

Э. С. Якимову (СССР) интересует коннотативный аспект семантики фразеологий, т. е. фразеологическое единство с экспрессивно-эмоциональным оттенком, с помощью которого говорящий передает свое отношение к излагаемому. Это коннотативное содержание тесно связано с национальной культурой, традициями, образом жизни определенного народа. Автор несколькими примерами проиллюстрировала, что отдельные финно-угорские народы для одного и того же содержания пользуются той же или сходной фразеологией.

Вопрос о переводах-кальках Корнелиус Хасселблатт (Финляндия) рассмотрел относительно эстонского и немецкого языков. Основой доклада послужила монография, которая после конгресса уже опубликована; автор разбирает в ней немецкий фон эстонских приставочных глаголов. В докладе проводится типизация случаев соответствий в двух языках. Как доклад, так и — и даже в большей степени — монография могут стать отправной точкой для дальнейших исследований, поскольку круг этих вопросов и в эстонском языкознании считается пока ничейной землей.

Дюла Пацолаи (Венгрия), с именем которого связаны многочисленные работы по сопоставительному анализу и сбору пословиц и поговорок, рассматривает родственные черты пословиц финно-угорских народов с таковыми у других народов. Пословицы народов, живущих по соседству и/или имеющих тесные связи иного рода, отражают большое сходство между собой. Так, многие венгерские по-

словицы обнаруживают немецкое, латинское или общее индоевропейское влияние (интересно, что гораздо меньше число славянских соответствий). Часть эстонских пословиц тоже через немецкий язык включается в сферу европейской культуры; другие пословицы имеют финско-карельские, балтские (главным образом латышские) и славянские соответствия. Марийские пословицы и поговорки через посредство русского языка подключаются к европейскому слою пословиц. Более тесные взаимосвязи можно отметить в финско-шведской, финско-карельско-эстонской, русско-вепсской, ливско-латышско-эстонской реляциях.

Выдающийся исследователь истории финно-угорского языкознания Гюнтер И. Штипа (Финляндия) — см., например, его новейшую импозантную монографию «*Finnisch-ugrische Sprachforschung (Renaissance — Reformation — Aufklärung — Romantik — Positivismus)*», Helsinki 1990, — говорил о методологии структурального и типологического исследования уральских языков в эпоху Просвещения, в первую очередь о заметках Лоренцо Херваса и Пандуро. Херваса можно рассматривать как первого типолога языков, который заявил, что не существует одного единственного древнего языка, а независимо друг от друга формировалось несколько языков. На базе основных структурных элементов Хервас установил типы языков. Относительно уральских языков он утверждал, что они относятся к одной языковой семье, но в качестве таковой не принадлежат ни Европе, ни Азии.

ЯНОШ ПУСТАИ (Будапешт—Печ)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.18>

В секции «Прибалтийско-финское, эстонское и саамское языкознание» было прочитано 50 докладов (секция «Финское языкознание» работала отдельно). Доклады общеприбалтийско-финской тематики (6) касались морфологии.

Илкка Савиярви (Йоэнсуу) провел сопоставление пассива и 3-го лица множественного числа в диалектах финского, карельского и вепсского языков. Он отметил, что употребление форм пассива в 3-м лице множественного числа едино-

образно в карельском языке, в вепсском и финском по диалектам обнаруживаются различия. Русское влияние усмотреть здесь трудно. Влияние свое оказало возвратное спряжение глагола.

Ларс-Гуннар Ларссон (Уппсала) дал обзор описаний объектных падежей в прибалтийско-финской грамматической литературе, уделив особое внимание паритиву. Матти Пунтила (Хельсинки) говорил о возможностях выражения тождественности. При этом он выделил шесть типов. Джоул Ашмор Невис (Огайо, Ко-

лумбус) рассмотрел употребление частиц в прибалтийско-финских языках, опираясь на пять из них и исходя из сандхи. Подробнее проанализированы вопросительные частицы. Сиркка Лийса Хяхмо (Гронинген) считает, что в финском языке встречается более 30 существительных на *n*, в генитиве которых есть *me* (*siemen* : *siemenen*). Большая их часть имеет соответствия в близкородственных языках и в дальних тоже, вплоть до обско-угорских. Поздние заимствования в эту группу не входят.

О составлении атласа прибалтийско-финских языков, над которым работают сотрудники Института языка и литературы АН Эстонии, Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и Государственного научно-исследовательского центра языков Финляндии рассказала Леена Сарвас (Хельсинки). Опросник состоит из 84 вопросов (ср. LAE — 317 вопросов).

Вторую группу образовали доклады о контактах прибалтийско-финских языков с соседними. По сути все они были связаны с заимствованной лексикой и адаптацией.

Андреас Лудден (Мюнстер) показал, что целый ряд латышских инноваций (переход от подвижного ударения к фиксированному на первом слоге и т. д.) напоминает результат прибалтийско-финского влияния. Непосредственно с эстонским влиянием А. Лудден связывает укорочение долгих гласных первых слогов и апокопу кратких гласных в латышских словах. Под влиянием прибалтийско-финских языков и в латышском глухие *p*, *t*, *k*, *k*, *c*, *č*, *s* и *š* имеют две долготы.

Прибалтийско-финские и германские лексические контакты рассмотрели Тетте Хофстра и Осмо Никкиля (оба — Гронинген). Первый анализировал заимствования в прибалтийско-финских диалектах в аспекте хронологии германских звукоизменений и контактирующих диалектов. По одному и тому же заимствованию можно привести несколько этимологий. Новое толкование дано фин. *hata* 'sprouting, cogn (field)'. О. Никкиля обратился к пластам германских заимствований в восточнофинских диалектах, карельском и вепском языках.

Многие докладчики прямо или косвенно ссылались на русские влияния в

прибалтийско-финских языках (см. доклады симпозиума «Прибалтийско-финские языковые контакты»). Стивен М. Пью (Дарем) разобрал адаптацию глаголов русского происхождения в прибалтийско-финских и коми языках, опираясь на карельские примеры. В карельских диалектах суффикс *č* употребляется как в переходных, так и в непереходных глаголах для выражения возвратности. В русском языке ему соответствует *-ся*.

Мууса Оянен (Йоэнсуу) отметила, что особенно сильным и длительным было влияние русского языка на восточные прибалтийско-финские диалекты (карельские, вепские). Оно проявляется и в синтаксисе, о чем до сих пор говорилось мало. М. Оянен в своем докладе уделила внимание встречаемости предложений без копулы в вепском и карельском языках. Такие предложения свойственны сказкам, но встречаются и в разговорной речи. Больше русские влияния проявились в вепском языке, а из карельских диалектов — в людиковском. В то же время в русских диалектах Северо-Западной России бытует глагол *есть*.

По водскому, ливскому и карельскому языкам прозвучало по два доклада.

Об исследовании водского языка в Эстонии говорила Хейнике Хейнсоо (Тарту). Исследовательские центры — Тартуский университет и Институт языка и литературы АН Эстонии. Магнетофонные записи водских диалектов имеют продолжительность 185 ч 37 м; картотека в институте состоит из 202 400 карточек. В Тарту, в Музее эстонского народа хранится 206 водских экспонатов. Самым выдающимся исследователем води был профессор Пауль Аристэ. В настоящее время води насчитывает 60 человек.

(Морфо)фонологический фон водского чередования в отношениях с древнерусским языком рассмотрел Ярмо Эломаа (Хельсинки). Корневое чередование в словах на **k* с гласными переднего ряда произошло в виде *č*: *j ~ ā ~ ø*. По поводу **k > č* можно говорить о влиянии русского языка.

Лексические отношения водского и эстонского языков анализировала Пирет Норвик (Таллинн). В восточных диалектах эстонского языка обнаруживается ряд водских черт. Наиболее близок к водскому кодавереский говор.

В ливском языке имеется примерно 140 географических апеллятивов. О них шла речь в докладе Керсти Бойко (Рига). По происхождению апеллятивы делятся следующим образом: финно-угорские (около 37%), ливские (5%), заимствования (58,4%). 4,6% этимологий апеллятивов не выяснены. Доклад Тийны Кукк (Тарту) познакомил с синтаксическими функциями ливских внутренне-местных падежей. Установлены 32 синтаксические функции ливского элатива, 25 — иллотива и 20 — инессива.

Темой доклада Яана Ыйспу (Таллинн) были возможности классификации говоров карельских языковых островков. До сих пор основой классификации говоров служил территориальный принцип; анализ фонетических и морфологических особенностей может внести изменения в существующую классификацию. Пекка Зайков (Петрозаводск) рассмотрел выпадение форм имперфекта на *i* в разных карельских диалектах. В собственнокарельском диалекте *i*~*i* в 1-м и 2-м лице презенса единственного числа служит для различения презенса и имперфекта. В ливиковском диалекте *i* встречается и в глаголах с основами на *a*, *ä* и *e*. В 3-м лице единственного числа *i* утрачен.

С послеложными падежными формами вепского языка, сложившимися в период его самостоятельного развития, познакомил Тойво Тикка (Уппсала). Всего в вепских диалектах имеется 18 таких форм (южновепский — 9, средневепский — 16, северновепский — 10).

Особенно много участники слушали и говорили об эстонском языке и его контактах. 31 августа в секции стал полностью эстонским днем: заседание могло проводиться в Таллинне или Тарту, так как все выступившие, за исключением Казуто Матсумура, были из Эстонии.

Два доклада затрагивали диалектологию. Вяйно Клаус (Таллинн) говорил о взаимовлияниях северо- и южноэстонских диалектов, Карл Паюсалу (Тарту) — об употреблении двух склонений в южноэстонских диалектах (глагольные типы в 3-м лице настоящего времени единственного числа *palas* 'горит', *lucè* 'читает').

Хельми Неэтар (Таллинн) рассмотрела отглагольные имена на *in* : *ime* в качестве определяющего компонента в составе сложного слова. В настоящее вре-

мя *n* в эстонском языке уже утрачен (*in* > *i*). В результате звукоизменений первоначально разные суффиксы могли стать очень похожими. Материал для сравнения предлагает финский язык. Юри Вийкберг (Таллинн) поведal о контактах эстонцев, проживающих в Сибири, со своими соседями. Там наблюдается усугубление процесса перехода на русский язык. О двух различных типах топонимов рассказала Марья Калласмаа (Таллинн). Один из них — это в ономастическом и лексическом плане независимые местные названия (западное и северное побережье Эстонии), в другом случае имеются в виду названия поселений и произведенные от них вторичные наименования природных объектов.

Много докладов было посвящено морфологии и синтаксису современного эстонского языка. Рассматривались эстонское имя деятеля (Казуто Матсумура, Токио), темпоральные модели в системе речи (Имре Сийл, Таллинн), отношения аспекта и времени в глагольных конструкциях (Хелле Метсланг, Таллинн), синтаксис переходных глаголов (Эллен Усупылд, Тарту). Исходя из объекта, Э. Усупылд делит переходные глаголы на иррезультативные, результативные и результативно-иррезультативные. Иррезультативные можно назвать и аспектными глаголами. Способы образования сложных существительных и их характерные черты анализировала Сильви Варе (Таллинн).

О вопросительных предложениях говорили Ренате Паюсалу (Тарту) и Мари Тамме (Таллинн).

Май Лоог (Таллинн) представила результаты анализа сленга таллиннцев в возрасте 16—18 лет. Материал был распределен на 154 тематических соответствия словам литературного языка. Наиболее часто сленг используется в отношении учебных дисциплин и девочек. В сленге юношей далее следует лексика, связанная с половыми органами и алкогольными напитками, у девушек — с юношами. Касается сленг и разнообразных приветствий. Всего у девушек и юношей анализировались и взаимосопоставлялись 17 тематических групп.

Рихо Грюнтал (Хельсинки) представил свое толкование происхождений этнонимов *eesti* и *viro*. Этимология обоих не вполне выяснена. Этноним *eesti* стар-

ше, хотя и *viro* можно связать уже с *viso*, встречающимся в арабских хрониках. Предполагается, что *viro* имеет старошведское или балтское происхождение.

Докладов по контрастивному описанию эстонского и финского языков прозвучало четыре.

Ханну Ремес (Йоэнсуу) проследил размещение финских заимствований в словоизменительной системе эстонского языка. Он констатировал, что финские заимствования встречаются и в тех эстонских словоизменительных типах, где обычно иноязычных слов не бывает. Возможность для выражения реципрокности анализировала Хелена Сулкала (Оулу) (ср. фин. *toinen*, эст. *teineteise, üksteise*). Юри Валге (Тарту) построил свой доклад «Семантико-типологический анализ эстонско-финских переводных текстов» на сходной лексике двух языков. Основное внимание обращено на те пары слов, которые имеют одинаковый звуковой состав, но выражают разные значения. Илзе Лехисте (Огайо, Колумбус) рассмотрела количество в эстонском и финском языках в аспекте теории мор. Результаты исследований показывают, что финский язык, действительно, можно признать моросчитающим, хотя Q2 и Q3 контрастивно не отличимы друг от друга.

Об эстонско-шведских языковых связях говорили Уйле Кярк-Ремес (Уппсала) и Эви Юхам (Таллинн). В первом докладе речь шла о жизни эстонских шведов. Первые известия о шведах в Эстонии относятся к 1294 году. В 1925 году шведы в Эстонской республике получили культурную автономию. У них было 17 школ, гимназия и сельскохозяйственное училище. В 1939 году о-ва Найссаар, Осмусаар и оба Пакри были заняты советскими военными базами. Во время второй мировой войны подавляющая часть шведов из Эстонии перебралась в Швецию. Доклад Э. Юхам был посвящен влияниям шведского языка на эстонский. В грамматике они особенно явно ощущаются на северо-западе Эстонии. В диалектах встречается много заимствований из языка шведов, живших в Эстонии. В XVI—XVIII веках эстонский язык пополнялся и заимствованиями из шведского литературного языка того времени.

Контрастивный характер носили доклады Кулло Венде (Таллинн) — относи-

тельно эстонского и английского языков — и Бируте Клаас (Тарту) — эстонского и литовского. К. Венде сопоставлял ударение встречающихся в эстонском языке иноязычных слов с английскими соответствиями. Большинство из них имеет латинское или греческое происхождение, попали в эстонский язык через посредство немецкого. В английский язык те же слова попали через французский. Употребление определения, не сочетающегося с основным словом, в эстонском и литовском языках сопоставила Б. Клаас. Определение не сочетается с основным словом, если оно выражено числительным, а также если обозначает количество и массу.

О саамском языке и его контактах на заседаниях секции прозвучало девять докладов. В основном они касались лексических проблем.

Лексикологические исследования представили Анни Линкола (Хельсинки), Эдит Богар (Будапешт), Йожеф Мате (Дебрецен), Эйра Сёдерхолм (Тромсё) и Адольф Туркин (Таллинн).

Старейшие скандинавские заимствования в саамских диалектах относятся к I—VIII векам. А. Линкола анализировала скандинавские заимствования в говоре Тярна (Швеция, Вестерботтен). Преимущественно они относятся к сельскохозяйственной и религиозной лексике. Э. Богар распределила саамские названия птиц по происхождению на три группы: а) уральские, б) финские, шведские, норвежские, русские заимствования, в) собственно саамские. В последнюю группу входят сложные слова, дериваты и оноματοпозитические слова. И. Мате рассмотрел названия растений, основываясь на материале пяти диалектов (южного, норвежского, шведского, инарского и колтта). Исследователь пользовался лингвогеографическим методом. Э. Сёдерхолм, сопоставив фин. *korva* и саам. *goarvi*, пришел к выводу, что последнее в значении 'Stütze usw.' заимствовано из карельского языка.

А. Туркин анализировал коми заимствования в языке кольских саамов, а также саамские слова в ижемском диалекте коми, переселившихся во второй половине XIX века на Кольский полуостров. Как правило, это характерные для саамского быта слова.

Фонетике был посвящен доклад Риммы Куруч (Мурманск), в котором прослежено чередование гласных фонем в

пяти саамских глагольных типах. Глагол рассматривался еще в двух докладах: Нилс Эйвинд Хеландер (Тромсё) говорил о новых явлениях в саамском глагольном словоизменении, Н. Е. Афанасьева (Мурманск) рассказала об образовании моментанов с помощью суффиксов *-l-*, *-j-* и *-c-* в кольско-саамском диалекте.

Контакты между саамским и прибал-

тийско-финскими языками в более широком плане рассмотрел Юха Лескинен (Ювяскюля). Он сопоставил прибалт.-фин. *instructivus absolutus* (фин. *pitkillä korvin*) с саам. *genitivus absolutus* (саам. *oohthan seelgij*), утверждая, что последний имеет прибалтийско-финское происхождение.

ЯАН ЫЙСПУУ (Таллинн)

Секция «Финское языкознание» во время конгресса заседала в течение трех дней, было прослушано 37 докладов. Кроме того, в программу работы секции «Прибалтийско-финское, эстонское и саамское языкознание» тоже вошло несколько докладов по проблемам финского языка. Очевидно, VII Международный конгресс финно-угроведов стал последним, среди секций которого фигурировала специализирующаяся на вопросах феннистики. Ведь при завершении работы конгресса было предложено в дальнейшем для обсуждения специальных вопросов феннистики и хунгарологии отдельные секции не создавать.

В секции «Финское языкознание» наибольшую группу составили доклады по вопросам синтаксиса — почти треть всех докладов, т. е. более 10.

Хироши Шойи (Осака) рассмотрел употребление частиц в функции союзов, например, *Hän puhuu hyvin englantia, on hän hän asunut Lontoossa jo kauan* 'Он хорошо говорит по-английски, ведь он долго жил в Лондоне' (ср. *koska hän on asunut Lontoossa jo kauan* 'потому что он долго жил в Лондоне'). Фактически частица в финском языке весьма редко выполняет связующую роль в сложноподчиненных конструкциях, поскольку в избитили наличествуют союзы для выражения взаимосвязей между предложениями. Частицы же несут, в частности, текстуальную и эмоциональную нагрузку.

Пяйви Схот-Сайкку (Амстердам) анализировала модели финских предложений и, в частности, с точки зрения преподавателя финского языка как иностранного. Она считает, что недостаток основных типов предложений, используемых в качестве примеров финского синтаксиса, заключается прежде всего в том,

что они не в состоянии иллюстрировать одновременно и структуру предложения, и его содержание.

По мнению П. Схот-Сайкку, модель предложения должна быть абстрактным изображением его структуры. Она предложила две центральные модели предложения — номинативную (NP_{nom} + V + NP_x) и обликативную (NP_{obl} + V + NP_x).

Ирмели Пяяккёнен (Оулу) говорила об относительных предложениях финского языка. Она считает, что существует четкая разница между относительными предложениями литературного языка и таковыми в диалектах. Нааво Пулккинен (Ювяскюля) и Юрки Каллиооски (Хельсинки) рассмотрели соединительные союзы финского языка. П. Пулккинен анализировал влияние германских языков на использование соединительных союзов в финском языке, Ю. Каллиооски — выпадение субъекта при сочинительной связи. Когда один и тот же субъект выступает в следующих друг за другом предложениях, соединенных союзом *ja*, то часто он эллиптически исчезает. Ю. Каллиооски сделал выборку из активных данных почти 500 синтаксических случаев, из которых лишь в 25 эллипсис не имел места; причины сохранения, в частности, текстуального порядка, например, соединение с помощью сочинения идентифицирующего и нарративного предложений происходит более гладко, если субъект повторяется. Эллипсис может не состояться также ввиду эмпазы и контраста. Если субъекты с одной и той же ссылкой оказываются удаленными друг от друга, то в интересах контекста лучше сохранить субъект в следующем предложении.

Ханнеле Форсберг (Йоэнсуу) анали-